

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Большие буквы (ЭКСМО)

Данте Алигьери

Божественная комедия

«ЭКСМО»

1307–1321

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-44

Алигьери Д.

Божественная комедия / Д. Алигьери — «Эксмо», 1307–1321 — (Большие буквы (Эксмо))

«Божественная комедия» – грандиозный памятник поэтической культуры и настоящая энциклопедия средневекового мировоззрения. В ней поэт совершает путешествие через три царства загробного мира и с удивительной наглядностью и ясностью изображения дает живую, запоминающуюся картину происходящего там. Простой народ воспринимал поэму Данте буквально. Боккаччо рассказывал о двух жительницах Вероны, которые, заметив проходившего мимо Данте, обменялись многозначительными репликами. «Посмотри, – сказала одна, – вот тот, кто спускается в Ад и, возвращаясь оттуда, когда пожелает, приносит весть о пребывающих там грешниках». Другая ответила: «Должно быть, ты права: посмотри, как борода его курчава и лицо его черно от дыма и копоти адского огня». В наши же дни историки и критики до сих пор не прекращают споры о том, чем является это великое произведение: «путеводителем» по загробному миру или попыткой познать непознаваемое, найти рациональное в иррациональном, показать людям путь от мрака и скорби к свету и радости.

УДК 821.131.1-1

ББК 84(4Ита)-44

© Алигьери Д., 1307–1321

© Эксмо, 1307–1321

Содержание

Ад	6
Песня первая	6
Песня вторая	13
Песня третья	19
Песня четвертая	26
Песня пятая	33
Песня шестая	40
Песня седьмая	46
Песня восьмая	52
Песня девятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Данте Алигьери

Божественная комедия

Dante Alighieri

LA DIVINA COMMEDIA

Перевод с итальянского и комментарии Дмитрия Минаева

Сопроводительная статья подготовлена SMART-библиотекой имени Анны Ахматовой

Оформление серии «Большие буквы» Натальи Ярусовой

В коллаже на обложке использованы репродукции работ художника Джозефа Антона Коха

© SMART-библиотека имени Анны Ахматовой, сопроводительная статья, 2020

© Издание на русском языке, ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ад

Песня первая

Поэт рассказывает, что, заблудившись в темном, дремучем лесу и встречая разные препятствия для достижения вершины горы, он настигнут был Вергилием. Последний обещался показать ему муки грешников в Аду и Чистилище и сказал, что потом Беатриче покажет поэту Райскую обитель. Поэт последовал за Вергилием.

1 Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след...

4 Нет слов таких, чтоб ими я решился
Лес мрачный и угрюмый описать,
Где стыл мой мозг и ужас тайный длился:

7 Так даже смерть не может устрашать...
Но в том лесу, зловещей тьмой одетом,
Средь ужасов обрел я благодать.

10 Попал я в чащу дикую; нигде там
Я не нашел, объят каким-то сном,
Знакомого пути по всем приметам.

13 Пустыня предо мной была кругом,
Где ужасом невольным сердце сжалось.
Я увидал перед собой потом

16 Подножие горы. Она являлась
В лучах светила радостного дня
И светом солнца сверху позлащалась,

19 Прогнавшим страх невольный от меня.
В душе моей изгладилось смущенье,
Как гибнет тьма от яркого огня.

22 Как выброшенный на берег в крушенье
В борьбе с волной измученный пловец
Глядит назад, где море в исступленье

25 Ему сулит мучительный конец;
Так точно озирался я пугливо,
Как робкий, утомившийся беглец,

28 Чтоб еще раз на страшный путь тоскливо,
Переводя дыхание, взглянуть:
Доныне умирало все, что живо,

31 Свершая тот непроходимый путь.
Лишившись сил, как труп, в изнеможение
Я опустил тихо отдохнуть,

34 Но снова, переселив утомление,
Направил шаг вперед по крутизне,
Все выше, выше каждое мгновение.

37 Я шел вперед, и вдруг навстречу мне
Явился барс, покрытый пестрой кожей
И с пятнами на выгнутой спине.

40 Я, как врасплох застигнутый прохожий,
Смотрю: с меня он не спускает глаз
С решимостью, на вызов мне похожей,

43 И заграждает путь, на нем ложась,
Так что я думать стал об отступлении.
На небе утро было в этот час.

46 Земля очнулась после пробуждения,
И плыло солнце в небе голубом,
То солнце, что во дни миротворения

49 Зажглось впервые, встречено кругом
Сияньем звезд, с их ясным, кротким светом...
Ободренный веселым, светлым днем,

52 Румяным и торжественным рассветом,
Я выносил без страха барса гнев,

Но новый ужас ждал меня при этом:

55 Передо мной вдруг очутился лев.
Назад закинув голову, он гордо
Шел на меня: стоял я, присмирив.

58 Смотрел в глаза так алчно он и твердо,
Что я как лист затрепетал тогда;
Гляжу: за ним видна волчицы морда.

61 Она была до ужаса худа:
Ненасытимой жадностью, казалось,
Волчица подавляема всегда.

64 Уже не раз перед людьми являлась
Она, как гибель их... В меня она
Чудовищными взглядами впивалась,

67 И стала вновь отчаянья полна
Моя душа. Исчезла та отвага,
Которая вести была должна

70 Меня на верх горы. Как жадный скряга
Рыдает, потерявши капитал,
В котором видел счастье, жизни благо,

73 Так перед диким зверем я рыдал,
Путь пройденный теряя шаг за шагом,
И снова вниз по крутизне сбегал

76 К тем безднам и зияющим оврагам,
Где блеска солнца видеть уж нельзя
И ночь темна под вечным, черным флагом.

79 С стремнины на стремнину вниз скользя,
Я человека встретил той порою.
Безмолвие собой изобразя,

82 Он словно так был приучен судьбою

К молчанию, что голос потерял,
Увидя незнакомца пред собою.

85 В пустыне мертвой громко я воззвал:
«Кто б ни был ты – живой иль привиденье,
Спаси меня!» И призрак отвечал:

88 «Когда-то был живое я творенье;
Теперь перед тобой стоит мертвец.
Я в Мантуе рожден в одном селенье;

91 В Ломбардии жил прежде мой отец.
Жизнь начал я при Юлии и в Риме
В век Августа жил долго, наконец,

94 Когда богами ложными своими
Считали люди идолов. Тогда
Я был поэт, писал стихи, и ими

97 Энея воспевал и те года,
Когда распались стены Илиона...
А ты зачем стремишься вниз сюда,

100 В обитель скорби, скрежета и стога?
Зачем с пути к жилищу вечных благ
Под благодатным блеском небосклона

103 Стремишься к тьме неудержимо так?
Иди вперед и не щади усилий!»
И, покраснев, ему я сделал знак

106 И спросил: «Ужели ты Вергилий,
Поэтов всех величие и свет?
Пусть о моем восторге и о силе

109 Моей любви к тебе, святой поэт,
Расскажет слабый труд мой и творенья
И то, что изучал я много лет

112 Великие твои произведения¹.
Смотри: я перед зверем трепещу,
Все жилы напряглись. Ищу спасенья,

115 Певец, твоей я помощи ищу».
«Ты должен поискать пути иного,
И этот путь я указать хочу».

118 Услышал я из уст поэта слово:
«Знай, страшный зверь-чудовище давно
Путь этот заграждает всем сурово

121 И губит, и терзает всех равно.
Чудовище так жадно и жестоко,
Что вечно не насытится оно

124 И жертвы рвет в одно мгновенье ока.
К нему на смерть несчетное число
Творений жалких сходит издалёка, –

127 И долго будет жить такое зло,
Пока Пес Ловчий² с зверем не сразится,
Чтобы вредить уж больше не могло

130 Чудовище. Пес Ловчий возгордится
Не жалким властолюбием, но в нем
И мудрость, и величье отразится,

133 И родиной его мы назовем
Страну от Фельтро и до Фельтро³. Силы
Италии он посвятит; мы ждем,

¹ *«И то, что изучал я много лет / Великие твои произведения».* – Еще до появления «Божественной Комедии» Данте был уже известен как автор многих произведений на латинском и итальянском языках.

² *Ловчий Пес* – Так называл Данте владельца Вероны Кана Гранде делла Скала, известного своей храбростью и благородством. Имя *Пес* он получил, по свидетельству своих современников, из-за того, что его мать во время беременности видела сон, будто она разрешилась от бремени собакой. При жизни его называли Великим за подвиги. Именно при его дворе Данте, изгнанный из Флоренции, нашел себе пристанище. Так как Данте начал писать «Божественную Комедию» еще до своего изгнания, когда Кан был ребенком, то комментаторы полагают, что стихи о Ловчем Псе вставлены поэтом уже после, в те дни, когда на Кана Гранде современники возлагали все свои надежды.

³ *«И родиной его мы назовем / Страну от Фельтро и до Фельтро».* – Здесь речь идет о Вероне, которая с одной стороны граничит с Тревизакою, где находится местечко *Фельтро*, а с другой примыкает к Романии, где есть гора, называемая тоже *Фельтро*.

136 Что с ним опять воспрянет из могилы
Италия, где прежде кровь лилась,
Кровь девственной, воинственной Камиллы,

139 Где Турн и Низ нашли свой смертный час⁴.
Преследовать от града и до града
Волчицу эту будет он не раз,

142 Пока ее не свергнет в кратер Ада,
Была откуда изгнана она
Лишь завистью... Спасти тебя мне надо

145 От этих мест, где гибель так верна;
Иди за мной, – тебе не будет худо,
Я выведу – на то мне власть дана –

148 Тебя чрез область вечности отсюда,
Чрез область, где услышишь ты во мгле
Стенания и вопли, где, как чуда,

151 Видения умерших на земле
Вторичной смерти ждут и не дождутся⁵
И от мольбы бросаются к хуле.

154 Потом перед тобою пронесутся
Ликующие призраки в огне,
В надежде, что пред ними распахнутся,

157 Быть может, двери в райской стороне
И их грехи искупятся страданьем.
Но если обратишься ты ко мне

160 С желанием в Раю быть – тем желаньем
Давно уже полна душа моя –
То есть душа другая: по деяньям

⁴ «Кровь девственной, воинственной Камиллы, / Где Турн и Низ нашли свой смертный час». – Камилла – воинственная дева, дочь Метаба, царя вольсков, и Турн – сын Дауна, царя ругулов, защищая Лациум, погибли в битве с выходцами из Трои. Там же был убит мужественный Низ вместе со своим другом Эвриалом.

⁵ «Видения умерших на земле / Вторичной смерти ждут и не дождутся...» – Души грешников, осужденные на адские муки, призывают забвение этих мучений – вторичную смерть.

163 Она меня достойнее, и я
Ей передам тебя у райской двери
И удалюсь, печаль свою тая.

166 Я был рожден в иной и темной вере,
К прозрению не приведен никем,
И места нет теперь мне в райской сфере,

169 И я пути не укажу в эдем.
Кому подвластны солнце, звезды эти,
Кто царствует в веках над миром всем,

172 Того обитель – Рай... На этом свете
Блаженны все, им взысканные!» Стал
Тогда искать опоры я в поэте:

175 «Спаси меня, поэт! – я умолял. –
Спаси меня от бедствий ты ужасных
И в область смерти выведи, чтоб знал

178 Я скорбь теней томящихся, несчастных,
И приведи к священным тем вратам,
Где Петр Святой обитель душ прекрасных

181 Век стережет. Я быть желаю там».
Мой проводник вперед шаги направил,
И следовал я по его пятам.

Песня вторая

Во второй песне поэт, после обычного вступления, начинает сомневаться в своих силах для предстоящего пути и думает, что не в состоянии будет сойти в Ад вместе с Вергилием. Ободренный Вергилием, он решается наконец следовать за ним как за своим наставником и путеводителем.

1 День потухал. На землю сумрак лег,
Людей труда к покою призывая.
Лишь я один покойным быть не мог,

4 Путь трудный, утомительный свершая.
Все то, что предстояло мне вперед –
Страдания и обаянье Рая, –

7 То в памяти навеки не умрет...
О, музы, о святое вдохновенье!
Теперь вы мой единственный оплот!

10 Запомни, память, каждое явление,
Которое заметил только взгляд!
«Скажи, поэт! – воскликнул я в волненье. –

13 Мой путь тяжел, в пути препятствий ряд...
По силам ли мне подвиг предстоящий?
Ты описал, как раз спускался в Ад

16 Герой Эней⁶, тогда еще носящий
Людскую плоть, и вышел невредим:
Сам вечный Бог, на свете зло разящий,

19 Всегда стоял защитником над ним
И чтит родоначальника в нем Рима;
И знаем мы – на этот славный Рим

22 Сошло благословение незримо...
Святынею, источником добра
Да будет град, где власть неутомима

⁶ Эней – отец Сильвия, сын Анхиза, брат Приама, завоеватель Лациума, где властвовали его потомки, от которых производят род Ромула, основателя Рима.

25 Наместников святителя Петра!..
Спустился в Ад Эней, тобой воспетый,
В нем не нашедший смертного одра,

28 Но знаньем и прозрением согретый,
Величье пап из Ада вынес он.
Позднее же с земли печальной этой

31 Сам Павел был на Небо вознесен,
Где стал опорой нашего спасенья.
Но я – тяжелым подвигом смущен,

34 Я трепещу за дерзкие стремленья.
Я не апостол Павел, не Эней, –
Избрать их путь кто дал мне позволение?

37 Вот почему являться в мир теней
Боюсь с тобой. Уж не безумен я ли?
Но ты меня мудрее и сильнее:

40 Покорствую тебе в моей печали».
Как человек, лишенный воли вдруг,
В котором мысли новые сменяли

43 Ряд прошлых дум и помыслов и мук,
Так точно я в пути стал колебаться
И озирался с трепетом вокруг,

46 И быстро стала робостью сменяться
Моя решимость. Призрак мне сказал:
«Ты начал низкой трусостью слушаться.

49 Подобный страх нередко отвращал
От славных дел. Так тени зверь боится.
Но я рассею страх твой. Я блуждал

52 Средь призраков, и ждал, когда решится
Над участью моею приговор,

Вдруг слышу, – я не мог не удивиться, –

55 Святая Дева в тихий разговор
Со мной вступила. Счастья не скрывая,
Я Деве покорился с этих пор.

58 Как звезды неба нежили, сверкая,
Ее глаза и голос так звучал,
Как пенье херувимов в царстве Рая:

61 «О, ты поэт, чей гений засиял
И будет жить до разрушенья света,
Иди! На крутизне пустынных скал

64 Мой друг ждет и опоры, и совета,
Препятствиями страшными смущен.
Иль для него погибло все? Ответа

67 Я буду ждать: он будет ли спасен?
Иди к нему и силой строгой речи
Да будет от беды избавлен он.

70 Мне имя – Беатриче; издалече
Явилась я. Меня любовь вела,
Моя любовь с тобой искала встречи:

73 Я помощи твоей с мольбой ждала.
В обитель Бога скоро я предстану
И там, где гибнет всякая хула,

76 Тебя я славословить громко стану...»
И Беатриче смолкла. Я сказал:
«Клянусь, тебе служить я не устану!

79 Ты святости высокой идеал,
Ты образ добродетели чудесной!
Все радости земли, что Бог нам дал,

82 Доводишь ты до радости Небесной!

Тебе легко повиноваться мне...
И если бы, о призрак бестелесный,

85 Твою я волю выполнил вполне,
То все бы постоянно мне казалось,
Что действовал я вяло, как во сне,

88 Что дело слишком медленно свершалось.
Твои желанья мог я оценить,
Но отвечай: как ты не побоялась

91 В жилище преисподнее сходить
Из той святой обители надзвездной,
Которую не можешь ты забыть?..»

94 «Без страха я скольжу над этой бездной, –
Сказала Беатриче, – и, поэт,
Могу тебе совет я дать полезный:

97 Поверь – когда злых помыслов в нас нет,
Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему – вот где источник бед,

100 И только зла нам нужно всем пугаться.
Благое Небо крепость мне дает,
Чтоб не могла страданьем я терзаться

103 И даже пламя ног моих не жжет.
Там в Небесах есть Дева Всеблагая⁷,
И ей-то, Всеблагой, стал жалок тот,

106 Кого спасти ты должен, сберегая.
И к Лючии⁸ пришла с мольбой она:
«Спеши помочь тому ты, дорогая,

⁷ *Дева Всеблагая* – олицетворение милосердия. Не проще ли – что это образ Богоматери, Мадонны? Толкователи Данте даже в лице Беатриче ищут олицетворение богословия, хотя Данте, кажется, просто воссоздавал в ней образ своей первой и единственной любви. Беатриче была источником его еще младенческого вдохновения. Известно, что когда Данте было только девять лет, он полюбил восьмилетнего, прекрасного ребенка – Беатриче Портинари, которая умерла юной. Идеальной любви к Беатриче Данте оставался верен до конца жизни.

⁸ *Лючия* – фантастический образ, по-видимому, олицетворение небесной благодати и сострадания.

109 Которому рука твоя нужна».
И Лючия то место посетила,
Любви и сострадания полна,

112 Где я с Рахилью старой говорила,
И молвила: «Настал ужасный миг!
Что, Беатриче, ты не поспешила

115 Спасти того, кто в мире стал велик,
Любив тебя? Иль ты не слышишь, что ли,
Знакомый вопль и о спасенье крик?

118 Не видишь, как жилец земной юдоли
В борьбе со смертью грозной изнемог,
Которая страшна в безумной воле,

121 Как океана бешеный поток...»
Никто быстрее не мчался для добычи,
Никто от бед бежать скорей не мог,

124 Как бросилась сюда я, Беатриче,
Покинувши приют святых теней,
И одного тебя на помощь клича.

127 Ты даром слова в мире всех сильней,
И я в твоих словах ищу опоры...»
Тогда на мне безмолвно, без речей,

130 Она в слезах остановила взоры,
И я к тебе на помощь поспешил
Не медля, – мне страшны ее укоры;

133 Волчицу я к тебе не допустил
И на гору открыл тебе дорогу...
Что ж медлишь ты? Иль в сердце не смирил

136 Ты робости напрасную тревогу?
Когда три девы в вечных Небесах
За жизнь твою мольбы возносят к Богу,

139 Когда во мне, во всех моих словах
Находишь ты привет и поощренье,
Ужель в тебе не утихает страх?»

142 Как от холодных ветров дуновенья,
От стужи наклоняются цветы
И утром вновь встают в одно мгновенье

145 Под блеском солнца, полны красоты,
Так точно я от страха вдруг очнулся,
Воскликнув: «Будь благословенна ты,

148 В чьем состраданье я не обманулся,
Ты, бодрость заронившая мне в грудь,
Когда мой стан от ужаса согнулся...

151 И ты, поэт, благословенным будь,
Исполнив повеленье Девы Рая.
С тобой готов начать я смело путь,

154 Желаньем трудных подвигов сгорая.
С тобой мне не страшна пучина зол...
Веди ж меня, путей не разбирая...»

157 Так я сказал и за певцом пошел.

Песня третья

Данте, следуя за Вергилием, достигает дверей Ада, куда оба входят, прочитавши у входа страшные слова. Вергилий, указывая поэту на мучения, которые заслужили трусы, ведет его далее. Они приходят к реке, называемой Ахерон, у которой находят Харона, перевозящего души на другой берег. Когда Данте переехал чрез Ахерон, то он заснул на берегу этой реки.

1 «За мной – мир слез, страданий и мучений,
За мною – скорбь без грани, без конца,
За мной – мир падших душ и привидений.

4 Я – правосудье высшего Творца,
Могущества и мудрости создание,
Творение Небесного Отца,

7 Воздвигнутое раньше мирозданья.
Передо мной – прошел столетий след,
Удел мой – вечность, вечность наказанья,

10 За мной ни для кого надежды нет!»
Над входом в Тартар надпись та чернела.
Я страшные слова прочел. «Поэт,

13 Смысл этих слов, – воскликнул я несмело, –
Наводит страх!» Вергилий угадал,
Что сердце у меня оледенело.

16 «Здесь места страху нет, – он отвечал. –
Мы подошли к обители печали
Тех падших душ, – Вергилий продолжал, –

19 Что на земле безумцами блуждали»⁹.
И мне с улыбкой руку сжал певец;
Я стал бодрей, и вот мы увидали

22 Обитель вечной тайны, наконец,
Где в безрассветном мраке раздавались

⁹ «Что на земле безумцами блуждали». – Т. е. те, которые на земле были поражены безумием. Слово «безумие» в этом месте нужно понимать не в смысле умопомешательства, а как общее понятие о людях, здравый смысл которых часто подавляется их страстями.

Вопль и стенанья из конца в конец;

25 Повсюду стоны, где мы ни являлись,
И я заплакал, выдержать не мог...
Мы ближе, – вопли грешников сливались

28 В смесь разных языков, в один поток.
Хулы, проклятья, бешенства визжанье,
Ужасные движенья рук и ног, –

31 Все в гул сливалось в общем завыванье.
Так ураган крутит степей пески.
Ревет и губит все, без состраданья.

34 В неведение, исполненный тоски,
Воскликнул я невольно: «О, учитель!
Уже ль грехи теней так велики,

37 Теней, попавших в страшную обитель?
И кто они?» «Ничтожество – они
В толпе людей, – сказал путеводитель. –

40 При жизни на земле в иные дни
Жалчайшими их тварями считали.
Им на земле, – кругом себя взгляни, –

43 Хулы иль похвалы не воздавали;
Теперь – они вступили в сонм духов,
Которые Творцу не изменяли,

46 Но грех давил их тяжестью оков
И не было в них веры в Провиденье.
Великий Бог их свергнул с облаков,

49 Чтоб Небеса не знали оскверненья,
И даже Ад впустить их не хотел:
В Аду гнушалось даже преступленье

52 Ничтожеством и мерзостью их дел».

«Какие же назначены им муки?
Какой у них, наставник мой, удел?

55 Пронзительны их страшных воплей звуки...»
И отвечал Вергилий: «Лишены
Они надежды; скованы их руки.

58 В их настоящем скорби так сильны,
Что худшей доле, большему мученью
Они всегда завидовать должны.

61 Мир их забыл – и нет конца забвенью:
Их не щадят, но также не казнят,
Приговоривши к вечному презренью.

64 Но прочь от них и брось вперед свой взгляд,
Иди теперь за мной неумоимо».
Я сделал шаг, но отступил назад:

67 Передо мной промчалось знамя мимо,
Так быстро, словно вихорь уносил
Его вперед, вперед неудержимо.

70 За ним летели призраки могил
Несчетной вереницей: страшно было,
Что столько жизней в мире, столько сил

73 Смерть в призраки немые обратила.
Один из них мне словно был знаком:
Известный образ память сохранила.

76 Смотрю: да, это точно он, о ком
Народ с презреньем часто отзывался,
Кто, покривя душой и языком,

79 Высоким отреченьем запятнался¹⁰.

¹⁰ *Смотрю: да, это точно он, о ком / Народ с презреньем часто отзывался...* – В буквальном переводе: «Вглядываюсь и узнаю в ней того, кто опозорил себя высоким отречением». Это место очень спорное. Некоторые предполагают, что Данте подразумевал Исава, продавшего право первородства (предположение более чем неправдоподобное); другие – Диоклициана, отрекшегося от престола; папу Целестина V, сложившего папскую тиару по проискам кардинала д'Ананы, впоследствии папы

Тут понял я, что этот сонм теней
Собраньем душ отверженных являлся,

82 Презренных для врагов и для друзей.
Их жизнь была не жизнь, а прозябанье,
И здесь теперь, при наготе своей,

85 Достались эти жалкие создания
На жертву насекомых – мух и ос –
И терпят непрерывные терзанья.

88 По лицам их, мешаясь с током слез,
Струилась кровь и к их ногам стекала,
Где множество червей в крови вилося,

91 И эту кровь мгновенно пожирало.
От них я отвернулся. Вдалеке
Немало новых призраков стояло

94 На голом берегу, столпясь к реке.
«Учитель, – я спросил, – чьи тени эти,
Что переправы словно ждут в тоске?

97 Их вижу я едва при тусклом свете».
«Об этом ты узнаешь, – молвил он, –
Когда, – я побледнел при том ответе, –

100 Откроется пред нами Ахерон».
Мы дальше шли, и я хранил молчанье,
Пока не увидел со всех сторон

103 Большой реки, бежавшей без журчанья.
Вот подплыл к нам седой старик в челне.
«О, горе вам, преступные создания! –

Бонифация VIII; Торреджиано де Черки, предводителя партии Белых, отказавшегося от начальства над войсками. Учитывая то, с каким ожесточением преследовал Данте в своей поэме папскую власть, скорее всего, речь идет о Целестине V, тем более что отречение этого папы свершилось при жизни поэта. Скандальный характер этого отречения поразил в свое время всю Западную Европу. Говорили, что каждую ночь кардинал д'Ананьи, искавший папского престола, прятался в храме, где молился папа, и приказывал ему сложить тиару. Целестин повиновался, принимая его слова за голос свыше. Это объяснение, как и многие другие, на которые мы указываем, делает переводчик дантовского «Ада» Фан Дим, комментировавший Данте по древнему словарю «Vocabolario degli Accademici della Crusca».

106 Он закричал Вергилию и мне. –
Надежды все вам нужно здесь оставить,
Вам Неба не увидеть в вышине.

109 Я здесь, чтобы туда вас переправить,
Где холод вечный царствует и ночь,
Где пламя в состоянии все расплавить.

112 А ты, – он мне сказал, – отсюда прочь!
Среди умерших места нет живому». –
Не в силах любопытства превозмочь,

115 Не двигался я с места. «По иному
Пути ты поплывешь, – прибавил он, –
И переправит к берегу другому

118 Тебя челн легкий...» «Знай же ты, Харон, –
Ему сказал мой спутник хладнокровный, –
Что ты напрасным гневом возмущен:

121 Тот, воля чья, закон есть безусловный,
Так повелел, и должен ты молчать». –
И смолкнул разом лодочник огромный,

124 И перестали бешенством сверкать
Его глаза в их огненных орбитах,
Но призраки, успев слова поймать,

127 Проклятьем разразились; в ртах открытых
Их зубы стали громко скрежетать;
В их мертвых лицах, язвами изрытых,

130 Явилась бледность. Нагло изрыгать
Они хулы на целый мир пустились,
Творца и предков стали проклинять

133 И самый час, когда они родились.
Потом, с рыданьем к берегу скользя,
К ужасной переправе устремились:

136 Избегнуть общей кары им нельзя.
Их гнал Харон, глазами вкруг сверкая,
Веслом отставших призраков разя.

139 Как в осень листья падают, мелькая,
Пока ветвей совсем не обнажат,
В наряд поблекший землю облекая,

142 Так тени на пути в глубокий Ад
На зов гребца в ладью его бросались,
Теснились и помещались в ряд.

145 Едва они через поток помчались,
Как к перевозу страшному опять
Уже другие призраки сбегались.

148 «Мой сын, – сказал поэт, – ты должен знать,
Что души осужденных прилетают
Отвсюду к Ахерону. Разгадать

151 Они свое грядущее желают,
Спеша переплывать через поток,
И вечно их желанья пожирают

154 Узнать ту казнь, что ждет их за порок.
Еще никто с душой неразвращенной
Здесь чрез реку переплывать не мог;

157 Вот почему отверг Харон бессонный
Тебя, мой сын, и гневом запылал,
Твоим явленьем сильно раздраженный».

160 Поэт умолк, и вдруг я услышал
Ужасный грохот, – почва задрожала...
Холодный пот на теле выступал.

163 Над головою буря застонала,
И полосой кровавой в Небесах

Извилистая молния сверкала...

166 Меня сковал какой-то новый страх,
И я в одну минуту чувств лишился,
Не в силах удержаться на ногах,

169 И, как во сне, на землю опустился.

Песня четвертая

Поэт вслед за Вергилием спускается в первый круг Ада, где в особой светлой обители находит призраки знаменитых людей древности, которые приветствуют их и продолжают с ними путь. Ряд других знаменитых мужей. Вергилий ведет поэта дальше в Царство мрака.

1 Раскатом грома был я пробужден
И от его ударов содрогнулся.
Развеялся тяжелый, смутный сон;

4 Раскрыв глаза, кругом я оглянулся,
Желая знать, где я, куда попал,
И над зиявшей бездною нагнулся:

7 Из бездны гул стенаний долетал
До нашего внимательного слуха, –
Внизу под нами вечный стон стоял,

10 То грозен был, то замирал он глухо,
Была темна той бездны глубина,
И если вопль мог долетать до уха,

13 То глаз не мог увидеть бездны дна,
Хоть напрягал усиленно я зренье.
«Пусть эта пропасть вечная мрачна, –

16 Сказал поэт и побледнел в мгновенье, –
Мы в этот мрачный мир теперь сойдем;
За мною смело следуй без смущенья».

19 В лице переменился он. О том
Заметил я: «Уж если ты бледнеешь,
В моих сомненьях ставши мне щитом,

22 Могу ль быть смел, когда ты сам робеешь?»
Он отвечал: «В лице, в моих глазах
Всех чувств моих читать ты не умеешь.

25 Я чувствую теперь не жалкий страх,
Но ощущаю только состраданье

К судьбе теней, томящихся впотьмах,

28 Под безысходной карой наказания.
Иди за мной. Наш путь еще далек,
Нам медленность не принесет познания...»

31 И за собой поэт меня увлек
К ограде первой бездны непроглядной.
Хоть вопль теней к нам долетать не мог,

34 Но самый воздух пропасти той смрадной,
Казалось, словно вздохами стонал:
То было Царство скорби безотрадной,

37 Отчаянья без боли, где блуждал
Сонм призраков – мужчины, жены, дети.
Тогда путеводитель мне сказал:

40 «Что же меня не спросишь ты, кто эти
Несчастные? Ты должен все узнать,
Чем были эти призраки на свете,

43 Пока вперед мы не пошли опять.
Так знай: им неизвестно преступленье,
Но недоступна Неба благодать

46 Лишь потому, что таинством крещенья
Своих грехов омыть им не пришлось, –
Они бродили в вечном заблужденье

49 В те дни, когда в мир не сходил Христос.
Их вера до Небес не воспарила.
Я сам в незнание их когда-то рос:

52 Неведенье одно нас погубило,
И за него мы все осуждены
На вечное желанье за могилой,

55 Надежды, милый сын мой, лишены...»

От этих слов тоска мне сердце сжала:
Страдать все эти призраки должны,

58 Хоть их чело величием блистало.
Кто скажет им, что в будущем их ждет?
И я хотел, во что бы то ни стало,

61 Проникнуть в тайну Неба и вперед
Узнать предел их горького страдания;
И так сказал: «Меня желание жжет,

64 Поэт. Скажи мне: в Царстве наказания
Ужель никто доныне не умел
Спасенье заслужить и оправданье

67 За подвиги и славу прежних дел?
Ужель никто спасти их не решался?»
И отвечал учитель: «Мой удел

70 Еще мне нов был здесь, когда спускался
Сюда во мрак Спаситель мира сам
И лаврами победы увенчался.

73 Спасен был им наш праотец Адам,
И Ной, и Моисей – законодатель,
И царь Давид, и старый Авраам,

76 Рахиль, – и многих спас тогда Создатель,
И в горние селенья перенес,
Прощая их, Божественный Каратель.

79 До той поры до мира вечных слез
Ни разу не коснулось искупленье...»
Мы дальше шли. И скоро нам пришлось

82 Переходить пространство. Привиденья,
Как лес густой, являлись впереди,
Неуловимы, точно сновиденья.

85 Оставивши вход в бездну назади,
Мерцавший свет во тьме я вдруг заметил,
И сердце шевельнулося в груди.

88 Я угадал, что в сумраке был светел
Душ избранных особый уголок.
«Учитель мой! Я жду, чтоб ты ответил

91 И назвал тех, кому всеильный рок
Дал светлую, особую обитель
И в бездну тьмы с другими не увлек!»

94 «Их слава, – отвечал путеводитель, –
Их пережив, живет до поздних дней,
И им за то Небесный Вседержитель

97 Отличие дал в обители теней».
И в тот же миг слышали мы слово:
«Привет певцу! Привет его друзей!

100 В мир призраков он возвратился снова...»
Тут голос стих. Четыре тени шли
Навстречу к нам. Страдания немого,

103 Иль светлой, чистой радости земли,
Иль затаенной на сердце печали –
В их лицах прочитать мы не могли.

106 Тогда слова поэта прозвучали:
«Смотри, с мечом¹¹ вот выступил вперед
Певец Омир: царем его считали

109 Поэзии. Гораций с ним идет,
А вот Лукан с Овидием. Привета,
Такого же привета, как и тот,

112 Что я сейчас услышал от поэта,
Они достойны все...» И я вошел

¹¹ «Смотри, с мечом...» – Меч здесь – символ войн, воспетых когда-то Омиром.

В собрание певцов великих света,

115 В ту школу, где над всеми, как орел,
Вознесся царь высоких песнопений...
Кружок теней со мною речь завел,

118 Приветствуя мой восходящий гений;
Вергилий тут не мог улыбки скрыть.
Затем, вслед за приветствием видений,

121 Певцами был я приглашен вступить
В их тесный круг, и был шестым меж ими.
Мы стали меж собою говорить

124 В согласии, как братья. Вместе с ними
Я шел туда, где бледный свет мерцал;
И с спутниками, сердцу дорогими,

127 Величественный замок увидал,
Кругом семью стенами обнесенный;
Поток реки тот замок обвивал.

130 И чрез поток, певцами окруженный,
Я перешел, как через сушу, вдруг;
Чрез семь ворот вступил я, пораженный,

133 На длинный двор, где цвел зеленый луг.
На том лугу иные тени были:
На лицах их – спокойствие без мук

136 И словно думы строгие застыли.
Величием запечатлен их вид;
Они почти совсем не говорили,

139 Но мне казалось – голос их звучит,
Как музыка. С холма смотреть мы стали
Кругом себя, – с холма был нам открыт

142 Весь светлый луг, где призраки блуждали.

На множество прославленных теней
Мне спутники в то время указали

145 Среди поляны. Видел я на ней
Электру¹² вместе с многими тенями:
Вот Гектор, всем известный, вот Эней,

148 Вот Цезарь с ястребиными очами,
С Камиллою¹³ Пентесилея¹⁴ вот,
Вот царь Латин¹⁵ с Лавинией пред нами;

151 Вот Брут, а вот Лукреция идет,
Вот призрак одинокий Саладина¹⁶,
Тень Марции¹⁷ и Юлии¹⁸ встает

154 С Корнелией¹⁹; вот новая картина:
Вкруг мудреца²⁰ философы сидят,
Ему дивясь и славя воедино;

157 Сидел Платон, с ним рядом и Сократ.
Вот тени Диогена, Демокрита²¹;
Вот призраки знакомые стоят

160 Фалеса, Эмпедокла, Гераклита.
Вот и Зенон, и он, Диоскорид²²,
В котором знания много было скрыто;

163 Анаксагор и геометр Евклид,
Вот призрак Цицерона и Орфея,

¹² *Электра* – некоторые думают, что Данте говорит об Электре – дочери Атланта и супруге Карита – царя Италии, которая от Юпитера родила царя Дардана, основателя Трои. Другие же признают в этом случае Электру за дочь Агамемнона, известную своими несчастьями и упоминаемую в трагедиях Софокла.

¹³ *Камилла* – дочь Метаба, царя вольсков.

¹⁴ *Пентесилея* – царица амазонок, убитая Ахиллом при защите Трои.

¹⁵ *Латин* – царь аборигенов, отец Лавинии, которая была обещана в жены Турну – царю рутулов, но впоследствии вышедшая за Энея, что вызвало войну между Энеем и Турном.

¹⁶ *Саладин* – султан Египта и Сирии.

¹⁷ *Марция* – жена Катона Утицкого.

¹⁸ *Юлия* – дочь Цезаря и жена Помпея.

¹⁹ *Корнелия* – мать Гракхов.

²⁰ *Вкруг мудреца...* – Данте говорит об Аристотеле, учение которого пользовалось в его время большим почетом.

²¹ *Демокрит* – древнегреческий философ, приписывавший создание мира действию одной только случайности.

²² *Диоскорид* – уроженец Сицилии, известный своим трактатом «О лекарственных веществах».

Тит-Ливия, Сенеки; вот скользит

166 Тень Иппократа с тенью Птолемея;
Вот Галиен, мудрец Аверроэс²³...
Не в силах передать теперь вполне я

169 Всех предо мной являвшихся чудес
И слов не нахожу для выраженья.
Перед мной круг спутников исчез.

172 Из светлого приюта в то мгновенье
Мой проводник со мной спускаться стал
В зловещий, мрачный мир грехопаденья,

175 Где даже воздух самый трепетал,
Куда сквозь мрак, который там гнезвился,
Луч света никогда не западал.

178 И в этот мир с поэтом я спустился.

²³ *Аверроэс* – родом из Кордовы, был известен как лучший толкователь Аристотеля.

Песня пятая

Вергилий вводит Данте во второй, меньший круг Ада. Они видят свирепого Миноса, творящего суд и расправу с кающимися душами грешников и распределяющего их по разным отделам Ада. Казнь за преступную любовь. Франческа де Полента. Ее рассказ. Поэт лишается чувств и падает.

1 Круг первый Ада нами был пройден,
И во второй – в круг меньший – мы спускались,
Где жалобней звучали плач и стон

4 И муки бесконечнее казались.
Там злобный Минос с скрежетом зубов
Внимал, как тени, плача, признавались

7 В своих грехах, и, их казнить готов,
Произносил свой суд неотразимый.
Признания их слушая, без слов,

10 Своим хвостом, судья неумолимый,
Всегда спешил обвиться столько крат
Вокруг себя, лишь бешенством томимый,

13 На сколько ступеней пониже в Ад
Им осужденный призрак повергался,
И тем хвостом, свернувшимся в обхват,

16 Род казни их всегда определялся.
Пред Миносом, покаявшись в грехах,
Ряд призраков один другим сменялся

19 И падал в бездну с воплем и в слезах.
Меня увидя, Минос суд ужасный
Остановил с проклятьем на губах:

22 «Зачем ты здесь, скажи, пришлец несчастный?
Здесь мир скорбей и ужаса приют.
Сюда тебе ворота отпрут,

25 Но выйти вон отсюда очень трудно».

«К чему грозишь? – сказал мой проводник. –
Мы не поймем друг друга обоюдно:

28 Тот, кто своим могуществом велик,
Сойти сюда ему дал позволение.
Впусти ж его и удержи язык».

31 И вопли я услышал в отдаленье,
Когда вступил в тот мрачный, адский круг,
Где раздавались стоны исступленья,

34 Где омертвел, казалось, свет вокруг,
Где, словно вечный ропот океана,
Носился гул неутихавших мук;

37 Где адские порывы урагана,
Бичуя и терзая и кружа,
За тенью тень несли среди тумана,

40 И души падших грешников, дрожа,
Стеня, хулы на Бога изрыгали.
За чувственность казнь эту заслужа,

43 Как я узнал, те души в Ад попали...
Как стаи птиц в холодный день зимы
В бессилии мнутся, так летали,

46 Вперед и назад метались в Царстве тьмы
Страдальческие тени. В их страданье
Надежды нет; должны смутиться мы –

49 Лишенные в грядущем упованья,
Им отдыха в мучениях не знать.
Как в небе журавли в ночном молчанье

52 Начнут, порою, жалобно кричать,
Так тени, в общем плаче надрываясь,
Неслись в Аду, не в силах устоять

55 В круженье вихря знойного. Теряясь,
Про сонм тех душ поэта я спросил,
Их адскому круженью ужасаясь.

58 «Вот первая, – Вергилий говорил, –
Народов многих гордая царица.
Пороком лишь – он ей законом был –

61 Жила сластолюбивая блудница,
Открыто поощрявшая разврат.
Звалась Семирамидой та срамница.

64 Она была, как хроники гласят,
Женою и преемницею Нина,
Владея краем, – край тот был богат,

67 Где властвует Судан теперь. Кручина
Другую тень смущает: то жена –
Самоубийца²⁴. Горькая судьбина

70 Ее любви печальна и страшна.
Вот призрак Клеопатры сладострастной...»
Затем Елену видел я: она

73 Являлась на земле звездой несчастной;
За нею шли – великий муж Ахилл,
Погибший от любви своей напрасной,

76 Парис, Тристан²⁵... Вергилий повторил
Имен людей прославленных немало,
Которых пыл их страсти погубил.

79 От состраданья к ним изнемогала
Моя душа, и был я поражен,
Когда близ нас собрание предстало

²⁴ «То жена-самоубийца». – Речь идет о Дидоне, изменившей памяти своего первого мужа Сихея и вышедшей замуж за Энея. Брошенная Энеем, Дидона лишила себя жизни.

²⁵ *Тристан* – племянник Марко, короля Корнваллийского, первый из рыцарей Круглого стола двора короля Артура. Он любил Изольду, супругу Марко, который, уличив попавшихся любовников, умертвил Тристана.

82 Известнейших мужей и славных жен.
И я сказал: «Мне хочется, Вергилий,
Речь повести с четой теней, как сон,

85 Скользящей и несущейся без крылий».
«Пусть ближе налетят они, тогда, –
Сказал поэт, – мы можем без усилий

88 Для той беседы вызвать их сюда,
Любовью, их связавшей, заклиная».
Вот дунул ветер. Как облаков гряда

91 Несется, воли собственной не зная,
Приблизилась к нам тени. Оживясь,
Воскликнул я, к себе их призывая:

94 «О, страждущие тени! Если нас
Беседой подарить вы в состоянье,
Поговорите с нами!» Как подчас,

97 При радостном, веселом воркованье
К родимым гнездам голуби летят,
Так при моем невольном восклицанье

100 Чета теней, сквозь общий вихрь и смрад,
Толпу тех душ покинув, где стояла
Несчастливая Дидона, – тихо, в ряд,

103 Порхнула к нам. Одна из них сказала:
«Ты, ради нас сошедший в эту тьму,
Ты, чья душа к нам жалость испытала,

106 Хотя преступны все мы, – твоему
Величию не можем не дивиться,
И если бы, в грехах своих, Ему,

109 Творцу миров, мы смели помолиться,
Просили б мы, чтоб мир и благодать
На голову твою могли спуститься

112 За то, что нам ты можешь сострадать.
О, говори – тебя мы слушать станем,
Расспрашивай – мы станем отвечать,

115 Пока в пучину бездны вновь не канем...
Мой край родной – на берегу морском,
Где волны По бегут, подобно ланям,

118 Теряясь в океане голубом.
Любовь, души прекрасная подруга,
В груди Паоло вспыхнула огнем.

121 Он был пленен той красотой юга,
Которая была во мне и вдруг
Исчезла от жестокости супруга.

124 Любовь – призыв души, как сладкий звук,
Откликнулась в душе моей любовью,
Которая не убоялась мук,

127 Не умерла, хоть истекала кровью.
Любовь нас к ранней смерти привела, –
Но казнь – братоубийце! К изголовью

130 Его, так много сделавшего зла,
Должны спуститься адские страданья...»²⁶
Умолкла тень. Не поднимал чела

133 Я, слушая ее повествованье,
И долго пересилить не умел
Невольного, глубокого молчанья.

136 «Куда с своей ты думой залетел?» –
Спросил поэт. «О, сколько наслаждений?
И чудных грез им посулил удел,

²⁶ «Ты, ради нас сошедший в эту тьму...» – Так говорит у Данте прекрасная Франческа, дочь Гвидо да Полента, владельца Равенны. Насильно обвенчанная с Джанчиотто, старшим сыном Малатесты, владельца Римини, она любила его младшего брата Паоло. Джанчиотто был безобразен, хром, зол и скуп; Паоло же был прекрасен, добр, щедр и страстно любил Франческу. Ревнивый муж узнал о любви своей жены к Паоло и умертвил их обоих.

139 Но вместо них дал вечный гнет мучений!» –
Воскликнул я и тени молвил вновь:
«Франческа, ты несчастней всех видений!

142 Волнует сострадание мне кровь...
Поведай же: когда ты угадала
В себе свою неясную любовь

145 И чувство непонятное узнала?»
Франческа мне дала такой ответ:
«Воспоминания язвят меня, как жало!..

148 Ужасней и сильнее скорби нет –
О днях блаженства вспомнить в дни печали;
О том тебе расскажет твой поэт,

151 С тобой идущий. Если о начале
Моей любви ты хочешь правду знать,
Так слушай же, как мы любовь узнали:

154 Рассказ мой слезы будут дополнять...
Однажды Ланчелота²⁷ приключенья
Мы с любопытством начали читать,

157 Где он любви испытывал волненья.
Чувств собственных не ведая тогда,
Одни мы оставались в те мгновенья.

160 От книги отрываясь иногда,
Бледнели мы, и чтение забывалось;
Мы трепетали вместе, но когда

163 Одна страница в книге нам попалась,
Решилась вдруг судьба обоих нас:
Читали мы, как сладко улыбалась

²⁷ *Ланчелот* – рыцарь, прославленный в романах Круглого стола. Он любил королеву Жиневру, и она отвечала ему взаимностью.

166 Влюбленная красавица в тот час,
Когда любовник пламенный и страстный
Поцеловал в уста ее. Зардясь,

169 Тогда и он, Паоло мой прекрасный,
Трепещущий, прильнул к моим устам.
И книга та, как Галеот²⁸ опасный,

172 Служила искушеньем сладким нам.
В тот день мы уже больше не читали».
Умолкла тень. Внимая тем словам,

175 Другая тень, не в силах скрыть печали,
Заплакала так горько, что терял
Сознание я... мне силы изменяли,

178 И я, как труп безжизненный, упал.

²⁸ *Галеот* – был наперсником и помощником в любви Ланчелота и королевы Жиневры. Франческа называет Галеота искусителем потому, что с его помощью Ланчелот в первый раз решился поцеловать любимую королеву.

Песня шестая

Поэт вслед за своим путеводителем спускается в третий круг Ада, где Вергилий умирят адского Цербера. Слаторлюбцы и обжоры. Признание призрака Чиакко и его речь о будущей судьбе Флоренции. Грешники, ожидающие дня Страшного суда, и их слабая и смутная надежда на прощение.

1 Когда опять от тяжкого забвенья
Очнулся я, о муках душ скорбя,
Лишившись чувств своих из сожаленья,

4 Я снова увидал вокруг себя
Ряд призраков и новых мук картины.
То был круг третий Ада, где, губя

7 Все встречное, струился дождь на льдины;
Проклятый, страшный дождь, и крупный град,
И грязный снег слетали на вершины

10 Угрюмых скал. Зловоние и смрад...
Там Цербер отвратительно ужасный,
С тройною пастью, лаял, дикий взгляд

13 Бросая вкруг, и с жалобой напрасной
Тонули тени, вспугнутые им.
Цвет грозных глаз его – кроваво-красный.

16 Он отличался бешенством своим,
Когтями лап и безобразным чревом.
Неутомимой злобой одержим,

19 Он грешников царапал с адским гневом
И на клочки их кожу разрывал...
О, грешники! Достались муки все вам!

22 Пронзительный их дождик бичевал;
Они, как псы, уныло завывали...
То грудь, то спину призрак укрывал,

25 Где гноyjnych язв следы не заживали,

То беспрерывно двигался, кружась,
Чтоб хоть движенья муку облегчали.

28 Едва заметил только Цербер нас,
Как у него раскрылась пасть тройная,
Сверкнул огонь его кровавых глаз,

31 И задрожал от злобы он, не зная,
Кто нас привел, как мы сюда зашли.
Тогда рукой горсть праха поднимая,

34 В пасть гадины мой спутник ком земли
Швырнул без слов. Как по добыче вывший
Смолкает жадный пес, когда в пыли

37 Теревит тихо жертву, так, открывший
Тройную пасть, умолкнул Цербер вдруг,
Чудовищные челюсти смеживший.

40 Рев, в трепет повергавший все вокруг,
В минуту стих. Мы дальше подвигались,
Стонали всюду призраки от мук

43 И нашими ногами попирались,
Склонясь к земле от адского дождя.
Все тени распростертыми казались,

46 Когда я шел близ мудрого вождя;
Лишь только тень одна с земли привстала,
За нами очень пристально следя.

49 «О, ты, сошедший в Ад, – она сказала, –
Узнай меня, коль это можешь ты.
Ты был рожден, когда еще не знала

52 Я этих адских мук». «Твои черты, –
Я отвечал, – быть может, изменились
Среди страданий вечной темноты

55 И так под адским ливнем исказились,
Что мне тебя припомнить средства нет.
Кто ты? Иль Небеса так возмутились

58 Твоим грехом, что ты покинул свет
Для этих отвратительных страданий?»
«В том городе, – мне тень дала ответ, –

61 Где много так завистливых созданий,
Я был, как ты, на этот свет рожден.
И жил, не зная тяжких испытаний,

64 Мой грязный грех – обжорство, бог мамон.
Известен я под именем Чиакко²⁹
И за порок обжорства осужден

67 Томиться под дождем в жилище мрака.
На эту казнь, за тот же самый грех
Не я один здесь осужден, однако:

70 Приговорили к казни этой всех
Отверженных, что вокруг меня теснятся».
И после слов и после жалоб тех

73 Умолкла тень. «Чиакко, удержаться
Нельзя от слез, – я вновь проговорил, –
Твои страдания видя... Может стать,

76 Ты будущность Флоренции открыл:
Скажи, что с этим городом случится?
Иль нет людей там праведных? Иль пыл,

79 Пыл мятежей в нем ввек не прекратится?»
И призрак отвечал мне: «Вновь и вновь
Мятеж за мятежом там разразится,

82 И долго будет литься граждан кровь.

²⁹ Чиакко – на флорентийском наречии значит «свинья». Неизвестно, кого из своих сограждан Данте заклеил этим названием в своей поэме.

Сперва Лесные³⁰ сделают восстание,
С насилием изгнав своих врагов;

85 Продолжится три года ликованье, —
Потом падут Лесные, наконец,
И гордость Черных, после испытанья,

88 Поднимет, ими вызванный, пришлец³¹.
И долго над врагом своим кичиться
Там станет победитель, как боец,

91 Который угнетенья не стыдится.
Два праведника только там живут³²,
Но их народ не знает, не боится.

94 Три страшных искры сердце граждан жгут:
Гордыня, зависть и любостяжанье». —
Он замолчал, но я заметил тут:

97 «Тень бедная, прерви свое молчанье
И отвечай, хоть речь тебе тяжка:
Где Фарината? Местопребыванье

100 Где Рустикуччи, Арриго, Моска,
Тегьяй³³? В мире добрыми делами
Они известны были. Иль горька

103 В Аду их участь, или Небесами
Дарована теперь им благодать
И мир овладевает их сердцами?

106 Так где ж они? И как мне их узнать?»

³⁰ *Лесные* — т. е. партия Белых, к которой принадлежал сам Данте. Эта партия называлась Лесной потому, что ее предводитель Вieri де Черки был уроженцем лесистой провинции Вальди-Ниеволе.

³¹ *«И гордость Черных, после испытанья, / Поднимет, ими вызванный, пришлец»*. — Здесь речь идет о Карле Валуа, прозванном Безземельным, брате Филиппа Прекрасного, короля французского. Карл Валуа, по просьбе партии Черных и по приглашению папы Бонифация VIII, под личиной миротворца явился во Флоренцию, откуда скоро изгнал партию Белых и возвысил вражескую ей партию Черных.

³² *«Два праведника только там живут...»* — Полагают, что двумя праведниками Данте называет самого себя и своего друга Гвидо Кавальканте.

³³ *«Где Фарината? Местопребыванье / Где Рустикуччи, Арриго, Моска, Тегьяй...»* — перечисляются имена знатных флорентийцев.

Чиакко мне сказал: «Искать их надо
Не в Небесах, – там их не отыскать, –

109 Но ниже, в глубине подземной Ада, –
Ты встретишь их, когда сойдешь туда,
В числе теней: прощенье и пощада

112 Им неизвестны будут никогда.
Прошу тебя: из этих мест унылых,
Когда вернешься к людям ты, тогда

115 Им обо мне напомни... Я не в силах
Вновь говорить. Дождь жжет сильнее огня...»
Его глаза, – темно в них, как в могилах, –

118 Перекосились вдруг; он на меня
Взглянул и снова низко опустил
В среду слепцов³⁴, чело свое склоня.

121 «Пока, трубя, архангел не явился,
Пока Судья Небесный не сойдет», –
Сказал поэт, – и сильно я смутился:

124 «Казня теней, дождь адский не пройдет.
А в Судный день все тени возвратятся
В свои могилы; быстро в свой черед

127 В свой прежний образ, в плоть преобразятся
И будут ждать последнего Суда». –
Вперед мы стали тихо подвигаться

130 По мрачному пространству, и тогда
Смесь грязи и Теней мы увидали;
Про Страшный суд в грядущие года

133 Мы по дороге тихо толковали.
«Учитель! – между прочим я спросил, –

³⁴ *Ненова низко опустил / В среду слепцов...* – «Слепцами» Данте, по-видимому, называет всех ослепленных безумием и сошедших с пути добродетели.

Усилятся ль их муки и печали,

136 Иль ослабеют кары адских сил,
Когда суда последний день настанет?»
«Знай, смертный, – спутник мой проговорил, –

139 Чем ближе к совершенству каждый станет,
Тем ближе для него добро и зло.
Хоть эту сволочь адскую не тянет

142 Достичь до совершенства, – не могло
Родиться в них подобное стремление, –
Но осеняет грешников чело

145 Надежда, и пощады и прощенья
Все ждут они в день Страшного суда».
Мы шли. Не передам я в песнопенье

148 Всего, что говорили мы тогда.
Но вот у спуска Плутуса³⁵ нашли мы,
Который был врагом людей всегда:

151 Для Плутуса все люди нестерпимы.

³⁵ *Плутус* – бог богатства, и поэт делает его владыкой того круга, где заключены скупцы и расточители. Плутуса не нужно путать с мифологическим богом Ада – Плутоном.

Песня седьмая

Путники спускаются в четвертый круг Ада, где у входа встречают Плутуса. Вергилий его умиряет, и он падает ниц. Круг, где страдают скупцы и расточители, раскрывается перед путниками. Рассуждение Вергилия о фортуне. Он ведет Данте в другой круг Ада, где тени караются за зверство.

1 «Papé Satán, papé Satán, aleppe!»³⁶ –
Так грозно адский Плутус зарычал,
Встречая криком нас в своем вертепе.

4 Но мне певец всеведущий сказал:
«Не бойся неожиданной преграды...
Вредить он нам не может... Прочь, шакал!»

7 Он говорил, остановивши взгляды
На демоне: «Молчи и пожирай
Ты сам себя от бешеной досады:

10 Спуститься должен смертный в адский край,
Куда идет по воле Провиденья...
Молчи и злобой внутренней сторай...»

13 Как мачта корабельная в крушение,
В морскую бездну с парусом летит,
Повергнута, изломана в мгновенье,

16 Пал Плутус ниц, приняв покорный вид,
А мы все глубже в тартар углублялись,
В вертеп, который грешникам открыт,

19 Которым все пороки поглощались.
О, Боже мой! Могу ль я передать
Ряд новых мук, что предо мной являлись?

22 Ужель за грех так можно пострадать?
Как меж собой сшибаются в смятенье

³⁶ «Papé Satán, papé Satán, aleppe!» – Стих этот подвергался разным толкованиям. Все комментаторы, однако, соглашаются, что слова этого стиха не принадлежат ни одному европейскому наречию. По толкованию римского ориенталиста Ланчи, приведенный стих состоит из еврейских слов, которые можно перевести на русский язык следующим образом: «Восстань, сатана, восстань в своем блеске, Царь тьмы».

Харибды волны с ревом, чтоб опять

25 Бежать назад, так в вечном исступленьи
Должны сшибаться тени меж собой.
Их много здесь, кричащих в озлобленье.

28 Двойной толпой они вступают в бой
И, тяжести огромные бросая
Друг в друга, поднимают дикий вой,

31 С упреками такими отступая:
«Что бросил ты?» «А ты что не бросал?»
И, двигаясь и вновь в борьбу вступая,

34 Ревут, бегут, как моря грозный шквал,
И снова отступают и мнутя,
И снова бой... Скорбеть о них я стал,

37 Успела жалость в сердце шевельнуться.
«О, кто они? Поведай мне, поэт!
Вон там, левей, – иль мог я обмануться?..

40 Толпа духовных лиц... Сомненья нет:
На них я вижу знаки постриженья». —
«Знай, все они, – мудрец мне дал ответ, –

43 Свой разум довели до ослепленья,
И грех их – расточительность. Взгляни
На их толпу, на шумное движенье:

46 Здесь гранью полукруга все они
Отделены от области другого
Греха. Ты угадал – в иные дни

49 Тех призраков, чьи головы сурово
Обнажены, – монахами мир звал.
Здесь можешь встретить папу ты иного,

52 Здесь не один погибший кардинал».

«Но как же между ними, мой учитель,
Знакомых лиц пока я не узнал,

55 Которых грех смутил, как искуситель?»
«Напрасно разглядеть их хочешь ты, —
Мне отвечал тогда путеводитель, —

58 Грехи так исказили их черты,
Что лиц их распознать нам невозможно;
И вечно в этом Царстве темноты

61 Сшибаться будут призраки тревожно,
Пока день воскресенья не придет.
Тогда они восстанут осторожно

64 Из тьмы могил, иные сжавши рот
И с сжатою рукою, а другие
Лишенные волос своих. Как мот,

67 Так и скупец, все блага дорогие,
Все радости земного существа
Теряют навсегда. Грехи такие,

70 Как скупость и безумье мотовства,
Приводят к мукам вечного боренья
Без отдыха, без криков торжества.

73 Так губительны фортуны искушенья,
Хотя за них людской безумный род,
Не ведая в раздорах пресыщенья,

76 Терзается и много крови льет.
Все золото, и все богатство света
Людей не избавляют от забот

79 И не внесут покой в жилище это,
Где мук неотразим жестокий гнет». —
«Но объясни, — я спрашивал поэта, —

82 О, кто она, смущавшая народ,
Богиня, что Фортуною зовется?
Всех благ земных и всех земных щедрот

85 Из рук ее источник вечный льется». —
«Безумцы! Ваш рассудок омрачен,
Вам в заблуждение правда не дается», —

88 Сказал мудрец и продолжал так он:
«Так слушай же ты истинное слово:
Мир видимый едва был сотворен,

91 Как власть уж для него была готова,
Чтоб в мире свет равно распределять,
И эта власть, как сам закон, сурова.

94 Над благами земными наблюдать
Другая власть поставлена; власть эту
Фортуною привыкли люди звать;

97 Богатства и сокровища по свету
Дарит и отнимает вкруг она,
Переходя от холода к привету,

100 Любя то те, то эти племена
Иль возвышать, иль в грязь топтать бесстрастно.
Фортуны той над миром власть сильна,

103 Сопротивляться стали б ей напрасно.
Вот почему, порой, иной народ
В падении страдает ежечасно,

106 Другой же процветает и живет
В довольстве, не смущаемый бедами:
Фортуна всех незримо стережет,

109 Как лютый змей, сокрытый под цветами.
Ей ум людской — пути не преградит,
И, властвуя над нашими умами,

112 Она провидит все, она царит
В пределах власти, данной ей. Преграды
Ни в чем ей нет. Вперед она спешит,

115 Как будто ждет там, впереди – награды.
Вот вечная фортуна какова.
Ее хулить нередко люди рады,

118 Ей вслед бросая гневные слова,
Хоть к ней питать должны благоговенье.
Она же под лучами Божества,

121 Не замечая общего хуленья,
Живет среди созданий неземных,
Рожденных в первый день миротворенья,

124 Блаженствует средь радостей иных,
И катит шар свой... Далее иди же
К другим теням, чтоб видеть муки их,

127 Которые ужаснее, чем ближе.
Все звезды, освещавшие восток,
Склоняются на западе все ниже.

130 Иди скорей! Нам дан недолгий срок».
И мы границу круга миновали;
Пред нами встал кипящийся поток.

133 Бесцветные и мутные бежали
Потока волны; далее ручьем
Они в болоте гнусном пропадали;

135 Болото это Стиксом мы зовем.
И по пути неровному к нему-то
Мы подошли. Бросая взгляд кругом,

139 Увидел я, – ужасная минута! –
Толпы нагих и бешеных теней,
В зловонии болота вывших люто.

142 Они кусались с яростью зверей,
В клочки одна другую разрывали
Зубами и при помощи когтей.

145 «Они за зверский нрав свой пострадали, –
Сказал певец. – В воде и над водой,
Куда бы взгляды мы ни обращали,

148 Они томятся вечною чредой».
И в тине голоса их раздавались:
«На свете, в блеске жизни молодой,

151 Мы преступленьем только упивались;
От копоты душа у нас черна,
И за порок в болота мы попались».

154 Их жалоба была едва слышна,
Немел язык в их огненной гортани...
Дорогой, что была едва видна,

157 По берегу скользили мы в тумане,
Большую часть болота обошли
И, наконец, в виду зловещей грани,

160 К подножью страшной башни подошли...

Песня восьмая

Пятый круг Ада. Флегиас перевозит чрез болото Стикса Вергилия и Данте. Отвратительные мучения Филиппа Ардженти. Путники приближаются к адскому укреплению Дитэ, где адская стража демонов преграждает им вход в проклятый город.

1 Когда к стенам мы башни приближались,
То видели еще издалека,
Что на ее вершине загорались,

4 Как звездочки средь тьмы, два огонька,
И, по условию точно, засверкали
Такие же два яркие значка

7 На дальней башне. Путь мы продолжали.
И я сказал: «В всеведение глубок,
Как море, ты. Зачем же запылали

10 Те огоньки? Скажи, кто их зажег?
Что означают огненные знаки?»
Поэт ответил: «Если бы ты мог

13 Поверхность вод распознавать во мраке,
То знал бы сам, что впереди нас ждет...»
Неуловимы молнии зигзаги,

16 Неуловим и быстр стрелы полет,
Но тот челнок, что нам навстречу мчался,
Скользя под испареньями болот,

19 Быстрей стрелы и молнии казался.
Один гребец сидел в нем и кричал:
«Преступный дух! Ты наконец попался!

22 Ты уже здесь!» Мой спутник отвечал:
«О, Флегиас³⁷! Ты сердишься напрасно!
Язык твоих угроз бессилен стал:

³⁷ Флегиас – царь лапитов, отец Корониды, обольщенной Аполлоном. В отмщение он сжег Дельфийский храм, за что был убит Аполлоном и свержен им в Ад. В личности Флегиаса Данте олицетворяет бешенство и неукротимый гнев.

25 Пока ты можешь только безопасно
Перевезти через болото нас».
Как человек, которому ужасно

28 Скрывать бессильный гнев, так Флегиас
Умолкнут вдруг. Учитель в челн спустился,
Я вслед за ним, и челн на этот раз

31 Гораздо глубже в волны погрузился.
Когда по темной, мертвой глубине
Летели мы, вдруг грешник появился,

34 Весь тиною покрыт, и молвил мне:
«Скажи, кто ты? Зачем ты раньше срока
Блуждаешь в этой адской тишине?»

37 Я отвечал: «То время недалёко,
Когда могу отсюда я уйти.
Но кто ты сам, скажи мне, так жестоко

40 Истерзанный? Кто ты?» «В своем пути
На вечный, вечный плач осуждена я», –
Сказала тень. «Лети же ты, лети,

43 Проклятый дух, спокойствия не зная!
Рыдания и скорби – твой удел.
Твое лицо в грязи распознавая,

46 Тебя теперь припомнить я успел», –
Ответил я... Тут грешник обе руки
Простер к челну, как будто бы хотел

49 В нем отдохнуть от нестерпимой муки,
Но спутник мой столкнул его назад:
«Иди ты прочь, туда, где слышны звуки

52 Проклятий псов, как ты, попавших в Ад».
Затем поэт, меня обняв, как брата,
Поцеловал и молвил: «О, стократ

55 Блаженна мать, носившая когда-то
Тебя во чреве! Чистая душа,
Себя ты уберег среди разврата.

58 Знай: эта тень³⁸, всю жизнь свою греша,
Всех презирала в собственной гордыне,
Лишь злобой постоянно дыша.

61 Беснуется и здесь она доныне.
И много гордых некогда владык
В зловонье этой мерзостной пустыни,

64 Здесь пресмыкаться будут каждый миг,
Как свиньи, в мире общее презренье
Оставив за собою. Их постиг

67 Стыд и позор». «Могу ль без затрудненья,
Учитель, – я сказал, – теперь взглянуть,
Как будет это жалкое творенье

70 В грязи и тине медленно тонуть?..»
И мне ответил мудрый мой учитель:
«Еще в ладье мы не окончим путь,

73 Увидишь ты, как флорентийский житель
Казним в Аду...» И видел я вблизи,
Как грешника карает Вечный Мститель.

76 Его давили призраки в грязи;
«Филипп Ардженти! – все они кричали. –
Вот он! Сюда! Дави его, рази!»

79 И призрак флорентинца окружали,
А он с себя зубами тело рвал...
За эту казнь, не чувствуя печали,

³⁸ «Знай: эта тень...» – Речь идет о Филиппе Ардженти, богатом и знатном флорентийце, известном своим бешеным нравом.

82 Я Небеса тогда благословлял.
Тут мы его оставили... Стенанья
Вдруг поразили слух мой, и сказал

85 Вергилий мне: «Ты обрати внимание
На этот город: Дис³⁹ его зовут.
Преступники в нем терпят наказанья,

88 В Аду их духи мрака стерегут».
«Учитель, – я воскликнул, – на поляне,
Мне кажется, я вижу, как встают

91 В багровом, в ярко-огненном тумане
Вершины башен». «Да, – сказал поэт, –
Горит огонь в них вечный, – знай заране,

94 Что он стенам дает багровый цвет.
Печальный град был рвами опоясан,
Где челн наш оставлял чуть видный след;

97 Ряд стен был из железа, и для нас он
Казался неприступным. Наконец
Мы к берегу пристали. В этот час он

100 Пустыней был. Тут закричал гребец:
«Здесь вход. Идите!» И над воротами
Увидел я, бледнея, как мертвец,

103 Сонм демонов в тьму бездны Небесами
Низвергнутый. Их крик достиг до нас:
«Кто в Царстве мертвых бродит между нами?

106 Для вас еще не пробил смертный час!...»
Мой спутник подал знак им, что желает
Им молвить слово втайне, и, смутясь,

109 Они смирили гнев свой. Воскликает

³⁹ *Дис* – название города Дитэ объясняют словом «Дис» – так греки и римляне называли Плутона.

Один из них: «Лишь ты к нам подойди,
А смертный, что с тобой в наш Ад вступает,

112 Пускай уйдет и путь свой назади
Переследит без страха, если может,
Тебя оставив здесь!..» В моей груди

115 Проснулся ужас: кто теперь поможет
Мне выбраться когда-нибудь назад?
Кто мне в пути преграды уничтожит?

118 «Наставник мой! Семь раз, спускаясь в Ад,
Избавил от опасности меня ты
И бодро вел сквозь этот адский смрад.

121 Не оставляй меня ты в тьме проклятой! –
В отчаянии так я восклицал. –
И если впереди нас ждут утраты

124 И путь в Аду нам недоступным стал,
То поскорей вернемся мы обратно». –
Но мой путеводитель отвечал:

127 «Не бойся, говорю неоднократно,
Никто дороги нам не заградит:
Над нами Тот, чья сила необъятна.

130 Здесь жди меня; пусть страх не шевелит
Твоей души; тебя я не покину
В крошечной тьме. Прими спокойный вид».

133 Так нежно говорил он, словно сыну,
И удалился. В страхе и смущен
Остался я и ужаса причину

136 Напрасно позабыть хотел. Но он,
Учитель мой, недолго был с бесами.
Что говорил он с ними – посвящен

139 Я в это не был, только перед нами
Метаться стали демоны, закрыв
Ворота башни. Тихими шагами

142 Поэт вернулся, голову склонив.
В его лице заметил я смущенье;
Вздыхнул он, тихо слово проронив:

145 «Кто вход мне преграждает?» В заключение
Он мне сказал одно: «Да не смутит
Тебя мое невольное волнение.

148 Пусть нам сонм этих демонов грозит,
Но все ж они должны мне покориться.
Высокомерье их – не ново. Стыд

151 Их поражения должен совершиться,
Как некогда, у первых адских врат,
Где думали преградою явиться

154 Те демоны; но вход в подземный Ад
Остался без затворов⁴⁰. Там, у входа,
Заметил надпись страшную твой взгляд.

157 Но знай, мой сын: в глубь этого прохода
Спускается один сюда с высот
Защитник человеческого рода,

160 Сюда грядет могучий ангел тот,
Перед которым бесы содрогнутся
И двери недоступных нам ворот

163 Покорно перед нами распахнутся».

⁴⁰ «Но вход в подземный Ад / Остался без затворов». – Здесь поэт говорит о первых вратах Ада, сокрушенных Спасителем при сошествии его в Ад и оставшихся с тех пор незапертыми.

Песня девятая

Три адские фурии грозят, что они обратят в камни обоих странников. Сошествие ангела, который прикосновением своего жезла отворяет врата неприступного города. Демоны разбегаются. Шестой круг Ада, где находятся язычники.

1 Мое лицо в минуту бледно стало,
Когда певец приблизился ко мне,
Но вдруг его смущение пропало, –

4 Он скрыл его в сердечной глубине;
Прислушиваясь, он остановился:
Мрак был так густ в той адской стороне,

7 Что зоркий взгляд, куда б ни обратился,
Не мог проникнуть тьмы. «Мы победим!
Мы победим, лишь он бы к нам явился. –

10 Сказал мудрец. – Приди же, херувим!»
Я понимал, что странными словами
Меня он успокаивал; томим,

13 Однако, страхом, этими речами
От робости я не избавлен был
И спросил, чуть шевеля губами:

16 «В глубь этой бездны кто-нибудь сходил
От самой первой той ограды Ада,
Где нет надежды?» Так я говорил,

19 И отвечал учитель: «Правду надо
Тебе сказать: еще никто почти
Не достигал до пламенного града,

22 Не шел сюда по нашему пути.
Но некогда в ту бездну я спускался,
Куда меня заставила сойти

25 Жестокая Эрикта⁴¹. Покорялся
Ей дух людей умерших и порой
В земное тело снова облакался.

28 Лежал недолго сам я под землей,
Лишась души, когда мне повелела
Сама Эрикта, жезл поднявши свой,

31 Спуститься в адский круг той бездны смело,
Чтобы одну из падших душ спасти.
Круг этот глубже всех; отяготела

34 Ночь вечная над ним, но ты идти
Со мной без страха должен. Вот болото
Зловонное пред нами на пути,

37 Весь город охватившее: в него-то
Без боя невозможно нам шагнуть».
Еще он говорить мне начал что-то,

40 Но головы не мог отвернуть
От башни, мрачным светом озаренной.

⁴¹ Эрикта – фессалийская волшебница. О ней упоминает поэт Лукан в своей поэме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.